

*Зейналлы Мехман,**докторант кафедри азербайджанського мовознавства
Гянджинського державного університету*

ВЛИЯНИЕ ТЮРКСКОГО ЯЗЫКА НА НОРМУ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Анотація. У статті розглядаються деякі аспекти впливу тюркської на норму азербайджанської літературної мови на початку XX ст., коли вплив східних джерел, особливо перської й арабської мов, на збагачення словника зменшився, а європейських, навпаки, посилювалися. Вплив тюркської мови на азербайджанську літературну мову в 20–30 рр. XX ст. насамперед проявляється у лексиці. У текстах цього періоду спостерігається паралельне використання лексичних варіантів, що належать до обох мов.

Методами дослідження є описовий і семантичний аналіз мовних груп, що впливають на корінь слів, історичний і ситуаційний порівняльний аналіз взаємовпливу і взаємозбагачення мов.

У 20–30-х рр. реорганізація мовних норм була пов'язана із соціальними потребами, передусім діяльністю засобів масової інформації, преси, написанням підручників, розширенням мережі шкіл, прийняттям латинської графіки, регулюванням правил правопису, існуванням різних форм мови і т. д., що створило необхідність використання єдиних правил вимови.

Звертається увага на те, що поряд зі своєю стабільністю, мінливістю, варіантністю, відданістю традиціям, новаторством норми літературної мови 20–30-х рр. набували певних ознак. На літературну мову впливали норми класичної літературної, розмовної мови й особливості діалекту, фонетичні, лексичні, граматичні особливості тюркської мови.

Відзначається, що вплив норм класичної літературної мови простежується у правописі. Ці особливості можна побачити в деяких замінах приголосного, в написанні деяких займенників, особистих, тимчасових закінчень. Використовувалися компоненти ізафет, властиві класичній літературній мові. У письмовій літературній мові спостерігалися заміни приголосного, а також лексичні одиниці, характерні для розмовної мови.

У підсумку зазначається, що лексичні варіанти в азербайджанській літературній мові 20–30-х рр. менш чисельні, ніж фонетичні, а морфологічні варіанти як за якістю, так і за частотою використання нижчі за обидва рівні. Виникнення лексичних варіантів пов'язане із запозиченням лексичних одиниць як з іноземних мов, так і з турецької тюркської мови.

Ключові слова: норма, варіантність, літературна мова, лексика.

Постановка проблеми. Стаття посвячена актуальній темі. В 20–30-е гг. XX в. на літературний мовний Азербайджана і його норми впливали багато факторів. Словарь включал большое количество слов, отражающих социальные и политические понятия новой эпохи. В обогащении словаря влияние восточных источников уменьшилось, а западных, наоборот, возросло. Слова турецкого тюркского представлялись как фактор высшей

нормы. Влияние тюркского языка на азербайджанский литературный в 20–30-е гг. XX в., в первую очередь, проявляется в лексике. В текстах этого периода наблюдается параллельное использование лексических вариантов, относящихся к обоим языкам. Например: *köhnə – əski, baş – qafa, ön – iləri*.

Анализ последних исследований и публикаций. В 20–30-е гг. реорганизация нормы была связана с социальными потребностями. Деятельность прессы, написание учебников, расширение сети школ требовали усовершенствования литературной языковой нормы. Принятие латинской графики потребовало регулирования правил правописания, одинаковой формы записи в учебниках; существование различных форм речи создало необходимость использования единых правил произношения.

В немногочисленных исследованиях (Гаджиев Т.И. История азербайджанского литературного языка. II часть. Баку : Наука, 2012; Худиев Н. История азербайджанского литературного языка. Баку : Наука и образование, 2018; Керимли Ф.Г. 1920-е годы. Лексическая норма азербайджанского литературного языка : дисс. ... канд. наук. Баку, 2009) говорилось о влиянии тюркского языка на азербайджанский литературный XX в., но влияние турецкого тюркского на азербайджанский в 20–30-е гг. XX в. не было тщательно исследовано на разных уровнях языка.

Лексические единицы, демонстрирующие влияние турецкого тюркского языка, показывают два типа функциональности. Некоторые слова сохраняют свой фонетический состав и лексическое значение как и в литературном турецком тюркском языке. В другой группе слов наблюдается изменение значения.

Все это, а также влияние турецкого тюркского на литературный язык Азербайджана не было систематически исследовано по отдельным языковым уровням. Особое значение имеет изучение влияния турецкого тюркского языка на азербайджанский на соответствующих языковых уровнях.

Методами исследования являются описательный и семантический анализ языковых групп, влияющих на корень слов, исторический и ситуационный сравнительный анализ взаимовлияния и обогащения языков. Также при необходимости мы обращались к методам классификации и систематизации.

Изложение основного материала.

1. Норма и вариантность в литературном языке 20–30-х гг.

Вариантность была одной из характерных особенностей языковой системы и сопровождает ее в течение истории развития. Исследователи отмечают, что вариантность более характерна для эпохи формирования истории азербайджанского языка [см. 1, с. 53–54]. Однако на других этапах – и в XVII–XVIII вв. в период народности, и в литературном языке XIX в., и в 20–30-е гг. XX в., даже на современном этапе – наблюдается вариантность на разных уровнях языка (больше на фонетических

и лексических уровнях). Вариантность каждого языкового уровня имеет определенное значение для языковой системы на определенных исторических этапах. Фонетическая вариантность не менее важна, чем лексическая (и наоборот). Другими словами, если проявление вариантности раскрывает какое-то функциональное качество языковой системы, оно может в равной степени охватывать все языковые уровни.

В.А. Литвинов пишет: «Исследования в связи с вариантами показывают, что вариантность – форма развития живой языковой системы. Эволюционный процесс делает существование двух или более вариантов неизбежным. Вариантность существующих языковых единиц на определенных этапах развития всегда появляется до нормы изменения» [2, с. 94]. В азербайджанской лингвистике вариантность, в конечном итоге, может привести к развитию и изменению нормы. Также причиной этого являются процессы, связанные между собой в цепной форме, породившие один другого. То есть языковые единицы с одним и тем же содержанием не могут использоваться в течение длительного времени рядом друг с другом, и процесс выбора (и замены), сопровождающий литературный язык на протяжении всей его истории, рано или поздно отдает предпочтение одному из вариантов. Разнообразие развивается по двум направлениям. Первая линия развития подразумевает параллельное существование. Оба варианта служат языковой системе с фонетической, лексической, грамматической структурой, но действуют в разных ситуациях; один является обязательным нормальным фактом (т. е. нормой), который обслуживает процесс общения языковых носителей, а другой – одной из форм языка в зависимости от вида деятельности, т. е. языковым фактом любого стиля (стилевым фактом). Согласно второй линии развития варианты не могут быть использованы рядом друг с другом; при нормализации одного другой выходит из строя (покидает язык). Некоторые лексические единицы, которые стабилизировались и нормализовались уже во второй половине XX в., в 20–30-е гг. имели права варианта. В последующем процессе развития один из вариантов превращается в норму литературного языка, а другой становится нормой одного из стилей. Например, вводные слова и слова *köhnə və əski*, *baş və qafa*, *iləri* (*irəli*), относящиеся к азербайджанскому и тюркскому языкам, в азербайджанском литературном языке, используя параллельно, образуют вариантность. Однако в одной из параллелей всех трех пар также наблюдаются стилистические тенденции.

В текстах, относящихся к 20–30-м гг., значения, выраженные парами, принципиально не отличаются.

Köhnə – əski.

Köhnə sönmüş vulkanlar yavaş-yavaş uçub dağılır [3, с. 65]. *Bütün şərq məmləkətlərinin əski ərəb və sxolastika əlifbasını meydandan çıxarması... eyni inqilabi dil meydanında da yarpağa bizi məcbur etdi* [1, с. 3].

Baş – qafa.

Başlı iki iynə [4, с. 93]. *İkinci fikir... idealist kafalarda doğa biləcək xam bir fikirdən başqa bir şey dəgildi* [5, с. 3].

İləri – ön.

Bu süxurlardan iləridə bəhs ediləcəkdir [3, с. 15]. *İmla anarxiyasının mümkün olduğu qədər sürətlə önünü almaq cəhətinə düşünmüş* [5, с. 5].

Можно привести множество таких примеров. Но в последующем процессе развития все лексические варианты не могут существовать вдвоем (даже если они имеют разные статусы).

Существующие вместе получают разные функциональные качества, когда один нормализуется, а другой становится стилистическим. В этом отношении вышеупомянутые лексические варианты не являются исключением. В некоторых примерах один из вариантов не может вписаться в среду литературного языка из-за того, что пришел извне. Например, в связи с тем, что первая сторона вариантности *baş – qafa* в 20–30-е гг. использовалась [например: головка иглы; 4, с. 92] как многозначное слово, она считается нормой языка этого периода. Так как вторая часть вошла в наш язык с турецкого тюркского, она не может получить функциональные качества (многозначность, нормированность и т. д.). Именно эти особенности в процессе развития решают дальнейшую судьбу вариантности. Так что и в последующие десятилетия слово *baş* (голова) сохраняет особенность лексико-семантической нормы. Но слово *qafa* сужает лексико-семантическую функциональность слова *qafa* (голова) от общеупотребительного (в словаре 20–30-х гг.) слова до терминологизации (70–80-е и последующие десятилетия). В нашем современном языке слово *qafa* употребляется в составе словосочетания как термин (*qafa tasi*), относящийся к анатомии, физиологии. А слово *əski* встречается в научно-стилистических материалах – в настоящее время в названии одного из филологических предметов (*Əski Azərbaycan yazısı*). И в других лексических вариантах точно так же. В то время как слово *irəli* в нашем современном языке завоевало право нормы, его вариант взаимности – слово *ön* – употребляется в некоторых сочетаниях в публицистическом стиле: *öndə getmək*, *önə çıxmaq* и т. д. Виктор Литвинов о норме писал, что она – многослойное, сложное и, с точки зрения диалекта, противоречивое событие. Каждый вариант языка, каждая форма предполагает наличие своеобразной нормы. Функциональные подсистемы литературного языка (имеются в виду функциональные стили) наряду с общими нормами имеют свои обычные нормы [2, с. 97]. В этом случае в данных примерах второй вариант выступает не как общеязыковая, а как стилистическая норма (первые два примера относятся к научному стилю, а последняя – к публицистическому).

Понятие нормы предусматривает существование многих особенностей, даже противоречивых признаков: постоянства и переменности, историчности и бесперерывности времени, дифференциации и выбора, кодификации (или запрета), привязанности к традициям (консерватизма) и обновления (новаторства). Если постоянство предусматривает стабильность нормы, то переменность, являясь причиной развития нормы, приводит к появлению вариантности в языке. Чередование постоянства с переменностью наблюдается в литературном языке 20–30-х гг. Переменность и ее вариантность, хотя и окружает фонетическую, лексическую, грамматическую уровни, больше и тесно связана с фонетическими признаками. Так что лексических вариантов в нашем литературном языке 20–30-х гг. меньше, чем фонетических, а морфологические варианты как по качеству, так и по частоте использования не выше и даже не на одном уровне с обоими. Появление лексических вариантов связано с приходом лексических единиц как с иностранных, так и с соседских языков, например, турецкого тюркского. Малая их часть, особенно параллельно использованные арабские и персидские взаимности, остаются в нашем современном языке. Например: *qurt – canavar* [6, с. 68, 76]. Другую часть вариантов составляют параллельно использованные взаимности турецкого

тюркского: *baba* (в значенні «отець») – *ata* [6, с. 44, 48], *akmak – çörək* [6, с. 71], *cosuq – uşaq* [6, с. 39 и титульный лист]. Единство постоянства с переменностью включает в себя больше языковых фактов, связанных с фонетической структурой. И здесь причины создания фонетических вариантов не одинаковы: на литературный язык влияют или норма разговорного языка, диалект, особенности говора, или же другие причины, например, слова, относящиеся к турецкому тюркскому, приходят на язык с фонетическими особенностями. Например: *qurt – qurd* [6, с. 24, 30], *bən – mən* [6, с. 24, 27], *dəgil – dəyil* [6, с. 37], *bana – mana* [6, с. 38, 44], *dirmaqla – dirmiqla* [6, с. 66, 72], *qomşu – qonşu* [6, с. 54, 75]. Вариантность грамматической структуры, которая была образована по тем же причинам, остается небольшой. Личные окончания: *sorursan – görürsən* [9, с. 34]; окончание настоящего времени *yeyir – yiyür – diyor* [6, с. 79, 46]. В морфологической структуре слов наблюдается вариантность: *sordı – soruşdı* [6, с. 52, 59].

2. Поиски нормы в литературном языке

Вместе со своей стабильностью, изменчивостью, вариантностью, преданностью традициям, новаторством и другими признаками нормы литературного языка 20–30-х гг. приобретали определенные признаки. В.А. Литвинов отмечает, что развитие и совершенствование литературного языка – это обновление и совершенствование нормы по отношению к актуальным общественным потребностям на каждом историческом этапе жизни общества [2, с. 98]. Качество нормальности периода азербайджанского литературного языка 20–30-х гг. или поиск норм происходили под влиянием социальной среды. Ф. Керимли отмечает, что структура социально-общественной, идеологической жизни, которая влияла на языковой процесс 20-х гг., особенно на поиск лексической нормы, была довольно сложной: патриархальная религия, националистические буржуа и революционно-социалистический уклон диктовали свою речевую культуру. Наиболее важной тенденцией было начало движения за грамотность и довольно успешное продолжение этого движения [7, с. 22]. Затем пишет: «Расширение сети печати <...>, с середины 20-х гг. издание книги в стране, особенно переведенных произведений классиков марксизма-ленинизма, а также начало азербайджанских радиопередач стимулировали обогащение родного языка и лексической нормы» [7, с. 23].

Вариантность проявила себя в поиске нормы. В литературном языке показывали себя нормы классического литературного языка, разговорная речь и особенности диалекта, фонетическая, лексическая, грамматическая особенности тюркского языка. Нормы классического литературного языка, как известно, наблюдались в правописании. Эти особенности можно было увидеть в некоторых заменах согласного, в написании некоторых местоимений, личных, временных окончаний. Использовались компоненты изафета, присущие классическому литературному языку. В письменном литературном языке наблюдались замены согласного, а также лексические единицы, характерные для разговорной речи. Использовались особенности диалекта: признак окончания настоящего времени повелительного глагола в единственном числе второго лица (морфема *gilən*), степень окончания, присущая к прилагательному, морфологическая структура, слова из говоров (*qalbi, arıtmaq, koynuşu* и др.).

В написании одного и того же слова за основу берется как классический литературный язык, так и нормы разговорной

речи: (*sənduq – sandıq*). Вариант общенародной разговорной речи и диалекта некоторых слов употребляется параллельно: *davşan – dovşan*. Иногда форма, присущая классическому литературному языку, совпадает с вариантом диалекта.

Влияние турецкого тюркского охватывает все уровни языка. Влияние на фонетическом уровне проявляется в замене гласного и согласного, добавлении согласного, гласного, выпадении согласного, слога, а также метатезе. Фонетическое влияние, отражающее замену гласного, из-за фонетической структуры азербайджанского языка широко используется в печати, в языке учебников. Они совпадают с фонетическими особенностями говоров азербайджанского языка и не производят впечатления чужой фонологической особенности.

Как и в турецком тюркском, согласный *x* не употребляется в составе лексических единиц. В словах, имеющих такой звук, он заменяется согласными *K* (*okut – oxut-*) и *Q* (*qoqu – qoxu*).

Фонетические явления, которые считаются фонетическими влияниями турецкого тюркского языка, встречаются довольно часто. Поскольку добавление перед словом согласного *y* является архаическим качеством азербайджанского языка, оно наблюдается и в наших говорах: *yüz, yıldırım, yılan, yürək*. Некоторые слова арабского происхождения, как и в турецком тюркском, употребляются путем добавления согласного *h*: *Abdullah* и т. д.

Часть лексических единиц, пришедшая на язык под влиянием турецкого тюркского, как языковой факт, присущий ему, сохраняет свой фонетический состав и лексическое значение. Другие слова меняются по смыслу. Такие слова полностью / или частично отличаются от взаимных слов на азербайджанском языке. Изменение значения происходит путем перехода от одного лексического значения к другому. На турецком тюркском: *baba “ata”*, на азербайджанском: *baba “valideynin atası”* и др.

Слова, которые не подвергались смысловому изменению, составляют относительное большинство. Среди них есть также лексические единицы, впоследствии закрепленные в азербайджанском языке. Например: *gözlük*.

Влияние турецкого тюркского на азербайджанский литературный язык не кажется всеобъемлющим в грамматике. Грамматические особенности, присущие турецкому тюркскому, не составляют большинство по сравнению с фонетическими и лексическими уровнями. Такого рода особенности представляются личными и указательными местоимениями, личными окончаниями, а также окончаниями винительного падежа, вспомогательными частями речи и другими морфологическими признаками. Используются указательные местоимения (*öylə, böylə*), присущие тюркскому языку, в форме местоимения единственного числа первого лица (*bən*) используются морфологические признаки личной категории глагола во множественном числе первого и второго лица (*-sın, -sın, -iz, -iz*).

На самом деле большинство факторов, влияющих на литературный язык и его нормы 20–30-х гг., существовали с конца XIX и начала XX вв. и в последующие десятилетия сохраняли силу влияния. Академик Т. Гаджиев писал: «В это время на основе российской науки и культуры становятся известными такие выдающиеся ученые и педагоги, как Мирза Джафар Топчубашов, Мирза Махаммадали Казымбей, А. Бакиханов оставляет глубокие следы в истории нашей культуры; М.Ф. Ахундов придает тон будущему развитию нашей национальной культуры; Гасан бек Зардаби газетой «Экинчи» открывает новую страницу в истории нашей культуры; с конца XIX в. азербайджанцы,

получившие образование в семинарии в Гори, определяют будущее направление различных сфер науки, литературы и культуры, а также общественно-политический курс в целом, продельвают большую работу по подготовке демократических идей в стране, развитию просветительства, формированию услуг печати народу» [8, с. 7].

Конечно, в 20-е и 30-е гг. влияние социально-идеологической и политической среды на литературный язык не обязательно было одинаковым. Она влияла на норму литературного языка и на содержание нормы по-разному. В исследованиях в 20-е гг. влияние общественно-политической, идеологической среды на состав литературного языка группируется следующим образом: 1) словарь включал в себя большое количество слов, отражающих социальные и политические понятия нового периода, получивших право более широкого использования; 2) влияние восточных источников на обогащение словарного состава уменьшилось, напротив, возросло влияние западных источников; 3) слова турецкого тюркского языка представлялись как фактор высшей нормы (однако эта тенденция не была стабильной) [7, с. 23–24]. Академик Т. Гаджиев к этому списку добавляет еще один фактор (принятие массового характера родного языка) и пишет: «В связи с периодичностью истории литературного языка, как видно из фактов и экстралингвистических условий, этот «новый период» начинается со второй половины XIX в. Однако в начале XX в., как продолжение нового периода, это новшество еще больше совершенствуется, уплотняется и, что самое важное, литературный язык приобретает массовый характер» [8, с. 184]. Профессор Н. Худиев, более детально останавливаясь на последнем факторе, рассказывает о влиянии массовости литературного языка на синтаксическую норму: «Если в 20–30-е гг. массовость литературного языка влияла на синтаксическую норму, то в ней привлекают внимание нижеследующие события: 1. В основе литературного языка стоит синтаксис разговорного языка, поэтому лаконичность, «примитивная» абстрактность, естественная эмоциональность, присущая разговорной речи, в норме превращается в факт качества. Влияние арабского, персидского синтаксиса, можно сказать, полностью устраняется, <...> сложные конструкции из арабской, а также персидской грамматик постепенно становятся архаичными, <...> конструкция изафет теряется как грамматическое событие [определенные единицы в этой форме превращаются в лексический материал; 6, с. 577–578].

3. Влияние политической, идеологической и социальной среды на литературную языковую норму в 20–30-е гг.

По словам профессора Н. Худиева, помимо социальных, идеологических, политических обществ, влияющих на литературный язык, есть еще один важный фактор – демократизм и национальность. Он пишет: «В начале XX в. этот вид напряженности общественно-политической жизни, частая смена событий оказывает значительное влияние на картину литературного языка. Литературный язык постепенно приближается к быту людей, присоединяется к общественно-политическим процессам, становится средством борьбы. Национальное пробуждение, появление первого национального парламента, создание независимого государства приносит определенный демократизм, национальность в характер, содержание литературного языка» [9, с. 486]. В то время отношение к лингвониму (тюркскому языку), выражающему название нашего родного языка, не было одинаковым. А. Гарибли отмечает, что при-

мерно через месяц после того, как была провозглашена первая независимая Азербайджанская Республика, государственный язык был заменен на тюркский, который и использовался нашими интеллектуалами. Это продолжалось в советское время до середины 30-х гг. [10, с. 99]. Однако в некоторых источниках под «тюркским» понимается как «тюркский» язык, так и «азербайджанский тюркский», и эти понятия, можно сказать, не отличаются друг от друга [10, с. 99].

В 20–30-х гг. реорганизация нормы была также связана с социальными потребностями. Деятельность прессы, расширение сети школ, написание учебников требовали совершенствования нормы литературного языка или организации новой нормы. С другой стороны, принятие нового вида фонографической письменности – латинского алфавита (и отказ от графических и орфографических правил старой письменности) – создало необходимость урегулировать правописание, одинаково писать как в прессе, так и в учебниках и других продуктах печати, а существование форм академического и общественно-политического ораторства – использовать единые правила произношения.

Самой большой аудиторией по правилам правописания, алфавиту и вопросам языковой структуры, несомненно, был Первый тюркологический съезд. Академик Н. Джафаров пишет: «Среди множества решений, принятых Первым тюркологическим съездом, наиболее актуальным для современного тюркского мира (и периода) был новый (и общий для всех) алфавит на основе латинского алфавита» [11, с. 117–118].

В 20–30-е гг. на развитие нормы влияют не только политическая, идеологическая и социальная среда, но и внутренние особенности развития. С этой точки зрения одним из факторов, который регулирует норму и способствует ее развитию, является взаимодействие системы с нормой. Согласно исследованиям, норма содержит одинаковость, а система – разнообразие. Э. Косерин пишет, что «в языковой норме <...> все общее и постоянное <...>, а в системе существовали только разные признаки» [12, с. 230–231]. Единство одинаковости и разнообразия в языке может привести к развитию нормы, ее изменению. Наличие новых вариантов приводит к стабилизации одной из них, изменение нормы и отношение системы и нормы выступает как одна из внутренних движущих особенностей языка. Поэтому В. Литвинов пишет, что непрерывное развитие языка приводит к изменению норм литературного языка. Также неправильно думать, что норма может быть заморожена на некоторое время. Норма не статична, она в движении [2, с. 101].

Норма социально-исторического характера создается внутри языка, образуется из его лексических, фонетических, грамматических материалов. В лингвистике понятие нормы используется в широком и узком значениях. В широком смысле норма охватывает такие средства и методы речи, формирующиеся на протяжении многих веков, что обычно один язык по разнообразию отличается от другого. Одним из ключевых признаков нормы в узком смысле является ее консерватизм. Консерватизм предусматривает серьезный запрет литературного языка, а также сохранение традиционных методов выражения, которых должны придерживаться представители общества [2, с. 97–98]. В 20–30-е гг. некоторые поиски нормы только в узком смысле соответствуют содержанию нормы. В истории азербайджанского языка на грани различных периодов, этапов обычно занимают место такие языковые факты, которые характерны для

обоих периодов, поскольку переход от одного периода к другому не происходит внезапно. Иногда одна или две характерные особенности (или события) предыдущего этапа должны быть разработаны некоторое время. Академик Тофиг Гаджиев, говоря о периоде народности, пишет, что в конце XVI – начале XVII вв. была достигнута стабильность в развитии языковых единиц. После этого предыдущие языковые факторы (лексические, грамматические, фонетические) замечаются только в эпизодическом плане. Поэтому их мы рассматриваем как архаизм в литературном языке [13, с. 389]. Начиная с XVII в. система фонем отличается глухим п. С морфологической точки зрения мы видим продолжение важной формы глагола в старом стиле (неопределенная форма + gərək) [1, с. 55]. *Bir evdə ki, sən tək gözəl olmağa, O ev dağıluban talanmaq gərək* (M.P. Vaqif: *talanmaq gərək* – *должен быть ограблен*).

На любом этапе истории литературного языка могут проявиться особенности предыдущего этапа. С этой точки зрения 20–30-е гг. XX в. не являются исключением. Так как в истории азербайджанского языка каждый следующий период имеет продолжение, наследственные связи между периодами естественны. Однако архаические нормы нашего литературного языка в 20–30-е гг. отличаются от них по их функциональности, потому что особенности архаической нормы 20–30-х гг. не относились не только к литературному языку XIX в., даже XVII–XVIII вв., но и к периоду народности. В этом случае старые особенности нормы, относящиеся к периоду формирования XIII–XVI вв., в XX в. не могли играть роль нормативно-коммуникативной базы (даже в 20–30-х гг.). Учтем, что каждый этап развития языка, являясь продолжением предыдущего периода, имеет своеобразную норму. В этом смысле устаревшие языковые нормы не могут сохранить свою актуальность на более поздней стадии развития. В.А. Литвинов пишет, что норма направлена на поддержание собранных в обществе языковых средств, данных предыдущими поколениями, и их использование [2, с. 100]. Однако поиск норм 20–30-х гг. показывает, что древние языковые особенности предыдущих периодов могут быть когда-то использованы в качестве потенциальной нормы.

Выводы. В азербайджанском языке вариантность, в конечном итоге, приводит к развитию и изменению нормы. Языковые единицы одинакового содержания не могут долго использоваться параллельно, отдается предпочтение одной из них. Вариантность развивается по двум направлениям. Первая линия развития подразумевает их параллельное существование. Но одна является обязательным нормативным фактом (то есть нормой), а другая – языковым (стилевым фактом) любого языкового стиля. Согласно второй линии развития при нормализации одного из вариантов другой покидает язык. Например, вводные слова и слова *köhnə və əski, baş və qafa, iləri (irəli)*, относящиеся к азербайджанскому и тюркскому языкам, в азербайджанском литературном языке, используя параллельно, образуют вариантность.

В некоторых примерах один из вариантов не может нормализоваться в связи с тем, что поступил извне. Например, первая сторона вариантности *baş – qafa* в 20–30-е гг. считается нормой языка этого периода. Так как вторая часть вошла в наш язык с турецкого тюркского, она не может получить некоторые функциональные качества (многозначность, нормированность и т. д.).

Лексических вариантов в нашем литературном языке 20–30-х гг. меньше, чем фонетических, а морфологические

варианты как по качеству, так и по частоте использования ниже обоих уровней. Причина, вызывающая лексические варианты, связана с появлением лексических единиц как из иностранных языков, так и с турецкого тюркского языка. Так что определенную их часть составляют слова, параллельно использованные в турецком тюркском: *baba – ata, əkmək – çörək, cociq – uşaq*. Слова, присущие турецкому тюркскому, приходят в язык с фонетическими особенностями. Например: *bən – mən, dəgil – dəyil, bana – mana, qomşu – qonşu*.

Поиск нормы азербайджанского литературного языка 20–30-х гг. происходил под влиянием социальной среды. Как результат поиска нормы, в литературном языке показывали себя нормы классического литературного языка, разговорная речь и особенности диалекта, фонетическая, лексическая, грамматическая особенности тюркского языка. Нормы классического литературного языка соблюдались в орфографических правилах. Использовались составы изафета, присущие нашему классическому литературному языку. В устном литературном языке использовались особенности диалекта для разговорной речи.

В написании одного и того же слова за основу берутся как классический литературный язык, так и нормы разговорного языка. Например: *sənduq və sandıq*. Параллельно используются варианты диалекта и общенародная языковая речь: *davşan və dovşan*. Иногда форма, относящаяся к классическому литературному языку, совпадает с диалектным вариантом.

Влияние турецкого тюркского охватывает все уровни языка. Фонетическое влияние, отражающее замену гласного, из-за близости с фонетической структурой азербайджанского языка широко используется в языке учебников, прессы. Они совпадают с фонетическими особенностями говоров азербайджанского языка и не производят впечатления чужой фонологической особенности.

Часть лексических единиц, пришедшая в язык под влиянием турецкого тюркского, сохраняет свое лексическое значение. Другие слова меняются по смыслу. Например: в турецком тюркском: *baba “ata”* – в азербайджанском: *baba “valideynin atası”* и др. Слова, не подвергшиеся смысловому изменению, составляют относительное большинство. Среди них есть также лексические единицы, впоследствии закрепленные в азербайджанском языке. Например: *gözlük*.

В 20–30-х гг. реорганизация нормы была связана с социальными потребностями. Деятельность прессы, написание учебников, расширение сети школ требовали усовершенствования или реорганизации литературной языковой нормы. Принятие новой латинской графики и отказ от графических и орфографических правил арабской требовали регулирования правил орфографии, одинаковой формы записи в учебниках, прессе и других продуктах печати, использования единых правил произношения.

Литература:

1. Hacıyev T. Azərbaycan ədəbi dili tarixi. I h., Bakı : ADU nəşri, 1976.
2. Литвинов В.А. Исторический характер лингвистической нормы. *Российский гуманитарный журнал*. 2012. Т.1. № 1.
3. Fiziki-coğrafiya. Orta məktəbin beşinci sinifi üçün. Bakı : Azərneşr, 1936.
4. Məktəblərdə hərbi dərslər. İşçi fakültələri, texnikumlar və ali məktəblər üçün. Bakı : Azərneşr, 1932.
5. Çobanzadə B. İstilah – terminoloji işləri. *Azərbaycan Dövlət Elmi – Tədqiqat İnstitutu*. Azərbaycanı öyrənməyə yolu. Bakı : A.D.E.T.İ. nəşriyyatı, 1930, sayı 3.

6. Şaiq A. Uşaq gözlüyü. Bakı : Azərənşr, 1926.
7. Kərimli F.Q. 1920-ci illər Azərbaycan ədəbi dilinin leksik norması. F.e.n. alimlik dərəcəsi ... disser. Bakı, 2009.
8. Hacıyev T.İ. Azərbaycan ədəbi dili tarixi. II hissə. Bakı : Elm, 2012.
9. Xudiyev N. Azərbaycan ədəbi dili tarixi. Bakı : Elm və təhsil, 2018.
10. Qəribli A. Azərbaycan dili anlayışının tarixi. Bakı : "Elm və təhsil", 2017.
11. Cəfərov H.Q. Türkologiyanın müasir problemləri. Bakı : "Elm və təhsil", 2017. S. 117–118.
12. Koseriu E. Ümumi dilçiliyə giriş. Bakı : Mütərcim, 2006.
13. Hacıyev T. Azərbaycan ədəbi dili tarixi. 2 hissədə. I h. B., 2012.

Zeynalli M. At the beginning of the XX century effect of the turk language on the norma of the Azerbaijan literary language

Summary. The article discusses some aspects of the influence of the Turkic language on the norm of the Azerbaijani literary language in the early 20th century. It is noted that at the beginning of the 20th century in the enrichment of the content of the dictionary, the influence of Eastern sources, especially Persian and Arabic, decreased, while European, on the contrary, increased. The influence of the Turkic language on the Azerbaijani literary language in the 20–30s of the XX century, first of all, shows itself in the vocabulary. In the texts of this period, there is a parallel use of lexical variants relating to both languages.

The research methods are mainly descriptive and semantic analysis of linguistic groups, influencing the root of words, historical and situational comparative analysis of intertwining and language enrichment.

It is further noted that in the 1920s and 1930s, the reorganization of language norms was associated with social needs.

This is primarily the activities of a wide network of mass media, the press, writing textbooks on expanding the school network, adopting the Latin script alphabet, regulating spelling rules, the existence of various forms of speech, etc. created the need to use common rules of pronunciation.

Attention is drawn to the fact that together with its stability, variability, variation, devotion to traditions, innovation and other signs, the features of the norm of the literary language of the 1920s and 1930s acquired certain signs on well-known soil. Tka as a variation manifested itself in the search for norms. The norms of the classical literary language, colloquial speech and features of the dialect, phonetic, lexical, grammatical features of the Turkic language showed themselves in a literary language.

It is noted that the norms of the classical literary language, as is well known, were observed in spelling. These features can be seen in some substitutions of the consonant, in the spelling of some pronouns, personal, temporary endings. The components of izapheta inherent in the classical literary language were used. In written literary language, there were observed consonant replacements, characteristic of colloquial speech, as well as lexical units.

As a result, it is noted that the lexical options in the Azerbaijani literary language of the 20–30s are less than the phonetic options, and the morphological options both in quality and frequency of use are below both levels. The reason that causes lexical variants is connected with the appearance of lexical units both from foreign languages and from Turkish Turkic language.

Key words: norm, variation, literary language, vocabulary.